

О ГИЗЕТТИ А. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГИЗЕТТИ Александр Алексеевич, родился в 1888 в Санкт-Петербурге (отец служил статским советником). С 1907 — член партии эсеров, был под надзором полиции, в 1911 — выслан в Пермскую губ. В 1913 — окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, служил в библиотеке Академии наук, преподавал в университете. Литератор, критик, публицист народнической ориентации, историк общественной мысли, социолог; с 1915 — редактор газеты "Народная мысль", с 1917 — сотрудник газеты "Дело народа". С 1924 — читал доклады на философско-литературные темы в "Вольной философской ассоциации" в Петрограде, член ее Совета. 27 апреля 1921 — арестован, 11 мая 1922 — освобожден. В октябре 1924 — арестован, 5 ноября отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму, но вскоре освобожден¹. В 1929 — арестован, вновь освобожден. 15 сентября 1930 — вновь арестован в Ленинграде, приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. В феврале 1931 — находился в Ташкенте. В феврале 1931 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена Ел. Гизетти.

<3 февраля 1931>

«3/II 31 г<ода>. Ленинград.

Многоуважаемая
Екатерина Павловна

До меня дошли вести из Москвы, что муж мой, Александр Алексеевич Гизетти, арестованный в Ленинграде 15/IX 30 г<ода> и содержащийся в ДПЗ, высылается в Среднюю Азию. А. А., имея партийное прошлое (б<ывший> С<оциалист>->Р<еволюционер>) и слывя, в качестве идеолога, за "одиозную" фигуру, с Октябрь<ьской> революции все 13 л<ет> был исключительно культурным и научным работником. Кому надлежит знать, об этом прекрасно знали; и арест его, бесспорно, рассматривался, как мера предупреждения, а не наказующая. Вот эти-то обстоятельства и, кроме того, чрезвычайно трудное личное и семейное положение (брошенные литературные работы и дряхлая больная мать 77 л<ет>) дают мне право обратиться к Вам с просьбой, не сочтете ли вы возможным запросить власти: 1) О разрешении ему возвращения домой, хотя бы на несколько дней, для приведения в порядок своих семейных и литерат<урных> дел и 2) О замене этапа самостоятельным путешествием на место ссылки.

С товарищеским приветом!

Ел. Гизетти.

Адр<ес>: Ленинград, проспект Маклина, 31, кв. 19»².

Через неделю Е. Гизетти вновь обратилась к Е. П. Пешковой.

<9 февраля 1931>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите за беспокойство, причиненное этим письмом, у меня не было иного выхода... Несмотря на мои непрерывные справки, в ожидании ссылки мужа А. А. Гизетти, я все же катастрофически, post factum, узнал об его отъезде, без предварительного свидания и передачи. Усугубляющим обстоятельством явилось лишение его передач в течение последних 3

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 27. С. 217.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 565. С. 76. Автограф.

недель, а свидания с 13. I, а также переводы его из одной тюрьмы в другую. Вот почему 4-го он уехал без вещей и денег в Среднюю Азию, в Алма-Ату.

Оч^{<ень>} прошу узнать Вас, не задержится ли он в Москве настолько, чтобы успеть выслать ему посылку. Если нет, то нельзя ли передать самое необходимое для такого тяжелого и длительного пути.

Не откажитесь известить меня о результатах.

С товарищ^{<еским>} приветом!

Е. Гизетти.

Адр^{<ес>}: Пр^{<оспект>} Маклина, д^{<ом>} 31, кв. 19»³.

В марте 1931 — к М. Л. Винаверу обратился за помощью Александр Васильевич Прибылов, народоволец и ветеран революции 1905 года.

<6 марта 1931>

«Многоуважаемый Михаил Львович!

Приходится беспокоить вас и Екатер^{<ину>} Павл^{<овну>} еще раз по поводу бедняги Ал^{<ексан>}дра Алекс^{<еевича>} Гизетти. Вот уже целый месяц прошел, как его увезли, и семья не может нигде узнать, что с ним и где он. Вы представляете себе, в каком положении его семья, — две старухи и беспомощная жена, — какие мысли бродят в их головах, какие страхи обуревают их. В самом деле, ведь если он до сих пор в пути или уже прибыл на место, он мог бы уже десятый раз написать о себе, между тем от него нет никакого известия. Поневоле три женщины думают, что он мог и заболеть и лежит где-ниб^{<удь>} беспомощным. Поэтому единственная надежда на вас и вашу организацию, так как вы и только вы можете как-ниб^{<удь>} проследить путь высылаемого, узнать, где он в настоящий момент и ^{<о его>} здоровье. Это дали бы возможность жене поехать к нему на помощь, если нужно, обеспечить его всем необходимым. Ведь человек увезли куда-ниб^{<удь>}, не предупредив ни о чем, не дав возможности снабдить самым необходимым и прочее». Будьте же добры, Мих^{<аил>} Льв^{<ович>}, сделайте, что можно, и уведомяте меня о результате ^{<...>} А между тем есть уже необходимость устроить передачу кое-кому, не имеющему здесь никого из родственников. Я с этим письмом обращаюсь непосредственно к вам, а не в Екат^{<ерине>} Павл^{<овне>}, потому что не уверен, дома ли она сейчас, не уехала ли опять.

Искренне желаю вас всего хорошего.

Жму вам руку. А. Прибылов.

6/III-31»⁴.

Александр Алексеевич Гизетти был отправлен в ссылку в Ташкент, позднее переведен в Коканд, работал научным сотрудником в Среднеазиатском отделении Академии наук. 5 февраля 1933 — арестован, отправлен для дальнейшего следствия в Ленинград, в мае переведен в Москву. 28 июня приговорен к 3 годам тюремного заключения и отправлен в Ярославский политизолятор.

В июле 1934 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Наталья Дмитриевна Гизетти, мать Александра Алексеевича Гизетти.

<19 июля 1934>

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Снова, как в декабре 33-го г^{<ода>}, обращаюсь к Вам через Ваше посредничество в общ^{<ество>} Помощь политическим заключенным по делу

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 565. С. 96. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 565. С. 87-88. Автограф.

моего сына, б<ывшего> научного сотрудника Академии наук, Александра Алексеевича Гизетти, отбывающего свое заключение по приговору ОГПУ в Ярославском политизоляторе (тогда моя с Вами переписка была у Вас под № 6297).

С тех пор лишение свободы и одиночество легли на моего сына удесятенной тяжестью: в феврале 34-го г<ода> умерла его жена!.. Этот удар (при постоянной озабоченности моей материальной необеспеченности вдобавок) не мог не отозваться тяжело на его психике и нервной системе; и я в свою очередь, понятно, очень тревожусь за его до сих пор крепкое здоровье, как ни бодрится он в письмах.

Ввиду того, что в августе истекает уже половина срока его трехлетнего заключения (ему зачтен полугодовой предварительный арест), я намереваюсь подать в Москву заявление с ходатайством о досрочном освобождении; но решусь сделать это, только опираясь на Ваш совет и помощь.

Надеюсь, что Вы мне не откажете и в предварительном ответе по след<ующим> пунктам:

1) Прилагаю (ради краткости) черновик заявления, составленный для меня опытным юристом, некогда известным защитником по политическим процессам. Но соответствует ли так оформленное заявление и современным условием? Это Вам, наверное, виднее. Сообщите мне, прошу Вас, одобряете ли Вы вполне такую мотивировку и форму заявления, или (самой краткой отметкой) укажите, что в нем лишнее или чего не достает. Дубликат заявления у меня остался.

2) Очень надеюсь, что Вы (как и зимою) возьметесь переслать это заявление, куда нужно сами, когда я, достав нужные удостоверения, пришлю его Вам в законченной форме. А также сообщите мне полученный ответ.

Не нужно ли еще каких-нибудь удостоверений (напр<имер>, свидетельство о смерти его жены), кроме сведений, касающихся меня?

В Москве у меня нет никого, кто мог бы энергично разузнавать, хлопотать по этому делу: всякая надежда на Ваши указания и помощь, которые приму с живейшей благодарностью.

Глубоко уважающая Вас Наталья Гизетти»⁵.

К этому письму было приложен черновик заявления Натальи Дмитриевны Гизетти с просьбой — «куда направить».

«Врача, члена Союза писателей
Бирюковой-Гизетти Наталии Дмитриевны,
жительствующей в Ленинграде и т<ак> д<алее>

Сын мой, Гизетти Александр Алексеевич, б<ывший> сотрудник Академии Наук СССР, 6 февраля 1933 г<ода> был арестован и по приговору ОГПУ отбывает трехгодичное заключение в Ярославском политизоляторе.

Я сама, урожденная Бекарюкова, врач по образованию, много лет работала в деревнях Харьковской губ<ернии> (и в голодающих местностях) земским врачом. В 1920-м г<оду> Петроградским Губотделом Соц<иального> обеспечения мне была назначена пенсия (пенс<ионная> книжка № 1129), от которой, однако, отказалась, когда получила посильную мне работу в Академии Наук: по материалам для словаря русского языка (академика Шахматова), считая себя еще трудоспособной и желая жить своим трудом. Сверх того была я и писательницей. Еще до революции напечатаны мною (под литературным моим именем Т. Барвенковой) беллетристические произведения в "Северн<ом> Вестн<ике>," "Русском Богатстве", "Ежемесячном Журнале" (выходившие потом и отдельными

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1253. С. 54. Автограф.

изданиями), а также несколько популярных народных брошюр медицинского содержания. А после революции я состояла членом Союза писателей: в моих переводах были напечатаны "Театр революции" Р. Роллана (изд<ания> "Всемирной Литературы"), произведения Уэллса, Франса.

В настоящее время мне 76 лет. Я совершенно оглохла и быстро слепну. Не имея никакого заработка и никакой пенсии теперь, лишась поддержки естественного своего кормильца, единственного своего сына, нахожусь в бедственном положении...

Не позволяя себе не только оспаривать, но даже обсуждать приговор, основание которого остались неизвестными даже нам, самым близким — жене и матери, я обращаюсь с просьбой облегчить участь моего сына, в надежде, что будут приняты во внимание тяжкие обстоятельства постигшего его семейного несчастья. В конце 1933 года, в разлуке с ним тяжело заболела его жена и скончалась в феврале 32 г<ода>.

Однако одиночное заключение при невозможности хотя бы несколько отвлекать мысль серьезным любимым научным трудом от этого величайшего в его жизни горя превращается в непрерывную пытку...

Ввиду всего сказанного, обращаюсь с горячею просьбою о досрочном освобождении моего сына Александра Гизетти, отбывшего уже половину назначенного ему срока заключения.

Гизетти.

При сем прилагаю:

Удостоверение Жакта о материальном положении и возрасте

Удостоверение о состоянии здоровья.

(Б<ыть> м<ожет> нужно еще что-либо?)»⁶.

В ноябре 1934 — Наталья Дмитриевна Гизетти вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<16 ноября 1934>

«16/XI – 1934.

Ленинград - 34, Вас<ильевский>

Остр<ов> по 6-й Линии, д<ом> 5 кв. 4.

Нат<алья> Дм<итриевна> Гизетти

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Снова обращаюсь к Вам, в Помощь политическим заключенным (переписка под № 6297) по просьбе моего сына, Александра Алексеевича Гизетти, отбывающего свое заключение в Ярославском политизоляторе. Он крайне озабочен судьбою некоторых своих личных документов (перечисляющих ниже). Обычно такие документы при обыске оставляются дома; но при аресте его в Коканде 5/II 33 г<ода> документы эти были отобраны и запечатаны в особый пакет вместе с несколькими тетрадями научных его работ (тоже к делу не приобщаемых) с обещанием вскоре вернуть их. Сын мой видел этот пакет еще во время своего пребывания в Ленинградском ДПЗ, причем подтвердил ему, что эти бумаги будут ему скоро возвращены. В мае 33 г<ода> сын мой был переведен на месяц в Москву; вероятно, и все бумаги его были пересланы туда же. Далее он не имеет о них никаких сведений. В июле с<его> г<ода> он обращался в Москву и Ленинград с официальным по этому делу запросом; но никакого ответа не получил.

Не могли ли бы Вы навести какие-либо справки и по собственному опыту разъяснить: 1) где теперь могут храниться подобные (к делу не приобщенные) бумаги, 2) когда, как, кому они могли бы быть выданы? Если только ему самому при освобождении, то, конечно, остается терпеливо

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1253. С. 53. Автограф.

ждать. Но важно было бы иметь уверенность, что документы не затеряются: они ведь будут крайне необходимы на первых же шагах по выходе моего сына из политизолятора (хотя бы по необходимости для него заработка, при полной материальной его необеспеченности).

Документы следующие:

1) Полный комплект оригиналов или засвидетельственных копий удостоверений научно-педагогического и служебного стажа с 1913 по 1930 (включительно). Без этого подтверждения "трудовой список" становится как бы голословным; а добыть эти свидетельства вновь невозможно, т~~ак~~ как многие из этих учреждений теперь уже не существуют.

2) "Трудовой список", сверх вышеозначенного, удостоверяющий службу его в библиотеке Академии Наук до 30-го года.

3) Профсоюзная книжка со штампом секции научных работников, которая может очень помочь в будущем восстановлению его звания и стажа, когда он получит возможность вернуться в союз (по окончании ссылки).

Объективная важность всех этих документов для будущей судьбы моего сына говорит само за себя, и сердечные осложнения, которыми угрожает их потеря, понятно, страшат... Понятно и то, с какой тревогою я жду Вашего ответа, и как благодарна буду Вам за возможные справки и указания.

Наталья Гизетти.

Извиняюсь за длинное письмо, но мне кажется не излишними некоторые подробности для уяснения дела»⁷.

20 января 1936 — Александр Алексеевич Гизетти был освобожден и отправлен на 3 года в ссылку в Куйбышев⁸. В феврале 1937 — сам обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«20/II-1937 г<ода>».

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Миновал год со дня освобождения моего из Ярославского Полит<ического> Изолятора и назначения на 3-х летнюю ссылку в гор<од> Куйбышев (бывш<ую> Самару). Поэтому я считаю уместным: 1) возобновить ходатайство о свидании с матерью, т<о> е<сть> поездке в Ленинград, в чем было мне отказано в 1930 г<оду>; 2) еще раз запросить, когда же, наконец, я получу мои документы и рукописи. Я подал оба эти новые заявления через Куйбышевское Краевое Управление в НКВД в Москву (сейчас же) и посылаю Вам копии, из которых Вам уже достаточно ясно, о чем я прошу и насколько острее сейчас необходимость удовлетворения этих просьб, чем год назад. Если надо медиц<инское> свид<етельст>во о здоровье матери, не откажитесь известить о том ее сестру по адресу, в заявлении указанному. Я и сам написал ей и, возможно, свидетельство будет параллельно послано. Совершенно откровенно заявляю Вам, что считаю положение матери очень серьезным и, если будет снова отказ, принужден буду приучать себя к мысли, что уже никогда ее не увижу, так как роковое ухудшению в ее состоянии может наступить каждую неделю. Неужели недостаточно, что мне не дали проститься с умирающей женой и теперь еще с матерью не дадут или дадут лишь тогда, когда она уже, наверное, меня в лицо не узнает! Вам хорошо известны все невыносимо тяжелые детали моей судьбы и положения, а потому и настойчивость моя теперь в другом вопросе — о возвращении рукописей должны быть Вам понятны. Нельзя лишить

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1253. С. 50. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1410. С. 133-134.

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

человека права на духовную жизнь и творчество особенно, если только это еще дает ему силу жить, нельзя отнять все итоги 3-х — 5-ти лет такой работы. Рукописи мне нужна, кроме того, и для продвижения литературных заработков. Я писал Вам об этом в начале сентября 1936 г<ода>, но ответа не получал.

Прилагаю открытку для ответа. Марки еще ранее послал и, если надо, пошлю еще. Неужели нельзя добиться указания срока, когда рукопись будет возвращена? Если ничего не дождусь еще месяц, другой, начну хлопоты через жалобы в прокуратуру и т<ак> д<алее> до ВЦИК'а и ЦИК'а включительно.

Надеюсь на ответ от Вас.

Уваж<ающий> Вас А. Гизетти.

Куйбышев, 4
Затонная, 48, кв. 1»⁹.

В январе 1936 — Наталия Дмитриевна Гизетти, его мать, обратилась с заявлением в НКВД.

<27 января 1936>

«Врача и б<ывшего> члена Союза Писателей, гр<ажданки> Гизетти Наталии Дмитриевны, проживающей в Ленинграде, В<асильевский> О<стров>, 6 л<иния>, <дом> 5, кв. 4

ЗАЯВЛЕНИЕ

5-го февраля 1936 года истекает срок заключения моего сына, б<ывшего> научного сотрудника Академии наук СССР, Александра Алексеевича Гизетти, находящегося в настоящее время в Ярославле, в тюрьме особого назначения НКВД.

Прошу о разрешении ему, по окончании срока его заключения, возвратиться жить ко мне в Ленинград. Это представляет для меня крайнюю необходимость. Он не только мой единственный сын, но и единственный член моей семьи, оставшийся в живых, и мне уже 77 лет, и при состоянии моего здоровья путешествие в какое-либо место, ему для жительства назначенное, для меня невозможно. Я не могла его проведать и в Ярославле за эти 3 года, даже когда его постиг такой тяжелый удар — смерть жены.

С каждым годом старческий склероз, абсолютная глухота, почти полная потеря зрения делают меня все беспомощней, неспособной к какому-либо заработку.

В таком положении я могу рассчитывать для возможности своего существованья исключительно на помощь моего сына и убедительно прошу дать ему разрешение жить со мной в Ленинграде.

подпись Н. Гизетти.

27/1 - 36 <года>»¹⁰.

Александр Алексеевич Гизетти был освобожден из политизолятора и отправлен на 3 года в ссылку в Куйбышев. В марте 1936 — он обратился за помощью к Е. П. Пешковой с двумя письмами.

«№1

"Помощь политическим заключенным"
Екатерине Павловне Пешковой

(Кузнецкий мост, 24, Москва)

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1602. С. 107-108. Автограф.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1545. С. 57. Машинопись, подпись — автограф.

Заявление

Адм<инистративно> политссылного
Александра Алексеевича Гизетти
(Куйбышев 2, Владимирский овраг,
д<ом> № 20)

Прошу содействовать возможно скорому возвращению мне личных документов и научно-литературных рукописей моих, находящихся в настоящее время на просмотре или временном хранении в Главном Управлении Государственной безопасности НКВД в Москве (вероятно в С<екретно>-П<олитическом> О<тдела> в ведении нач<альни>ка Молчанова и его заместителя Андреевой). Прилагая на отдельных листах подробные списки этих бумаг, поясняю в самом заявлении кратко суть дела.

Речь идет о двух группах бумаг:

1) Личные документы и рукописи, отобранные у меня при моем аресте в г<ороде> Коканде (5 февраля 1933 г<ода>), препровожденные вместе со мной тогда же в Ленинград следователю Бузникову, ведшему мое дело (<нрзб.> объединенной организации с.-р. и левых с.-р.). Бумаги эти к делу следователем приобщены не были, он заявил мне лично, что вернет весь портфель моей семье. Тем не менее, они не возвращены до сих пор и вероятно пересланы в Москву (уже в мае 1933 г<ода>), куда было перенаправлено все дело, и где состоялся приговор. При посещении Ярославского политизолятора летом 1933 г<ода> Особой комиссией <по> пересмотру дел находившаяся в ее составе зам<еститель> С<екретно>-П<олитического> О<тдела> Андреева подтвердила, что бумаги в Москве.

Мать моя (Нат<алья> Дим<итриевна> Гизетти) хлопотала через "Помощь полит<ическим> закл<юченны>м" о их возвращении, но получила ответ, что это возможно лишь по окончании заключения. В настоящее время заключение окончил, послан на жительство в г<ород> Куйбышев (б<ывшую> Самару) на 3 года. Поэтому возобновляю ходатайство о возвращении бумаг. Прошу "П<омощь> П<олитическим> закл<юченным>" содействовать этому, а также сообщить мне, как адресовать точно офици<иальную> просьбу об этом в НКВД, она наверное дошла по назначению, а не затерялась в промежуточных инстанциях.

2) 80 с лишним № № рукописных работ научно-литературного и библиографического характера, составленных мною за годы заключения и посланных при моем освобождении в Москву "на просмотр" (освобожден я 5/II 1936 г<ода>). Как видно из прилагаемого списка, среди них имеются:

а) переводы литературные и научные, скорейшее получение которых имеет для меня даже чисто практическое (заработок путем их напечатания) значение; б) серьезные, оригинальные работы и материалы к ним (Чернышевский, Блок, философские сочинения), которые также я мог бы теперь, получив доступ к библиотекам, сравнительно быстро закончить и продвигать в печать; в) интимные личные воспоминания (о покойной моей жене и друзьях), очень мне дорогие и нужные; г) ряд справочных библиографических и т<ому> п<одобных> списков, нужных для дальнейшей текущей работы. Получение мной этих рукописей столь же существенно, как и получение документов личного трудового стажа, указанных в пункте 1-м, К политическим моим "делам" они никакого отношения не имеют и навряд ли могут быть формально "задержаны", но я очень опасаюсь, что они просто затеряются, никем не читанные, в архивах и бюрократических "столах" учреждений, а для меня это будет огромная незаменимая потеря.

Прошу Пом<ощь> полит<ическим> закл<юченны>м в Вашем, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, лице сделать все, что в Ваших силах для скорейшего их возвращения мне. Речь идет об охране моего

человеческого права на духовно-внутреннюю жизнь, в ее умственно научно-литературной работе и интимном (личная жизнь и воспоминания) проявлении. Сдавая рукописи, я снабдил их подробнейшей описью, которую еще воспроизвожу кратко, на особом листке здесь. Если об этих рукописях прошение официальное особое тоже нужно, не откажите сообщить мне также, куда можно его адресовать (иначе чем о первой группе или так же). Прилагаю 2 почтовые марки по 20 коп<еек> для ответа заказным письмом (адрес в начале).

А. Гизетти»¹¹.

«Помощь политическим заключенным
Екатерине Павловне Пешковой.

Москва, Кузнецкий мост, 24

№ 2

13/III 1936 г<ода>.

Заявление

адм<инистративно> политссылного
Александра Алексеевича Гизетти

В виду того, что мать моя, Наталия Дмитриевна Гизетти, в настоящее время серьезно больна (удар, вызванный преклонным возрастом 77 лет, и случайный, туго заживающий ушиб ноги еще при этом) и намерения мои перевезти ее на учительство (к лету) в гор<од> Куйбышев (место моей ссылки) могут встретить серьезные препятствия в состоянии ее здоровья, прошу — на всякий случай теперь же, заранее — сообщить мне, как должен я начать вести хлопоты о разрешении мне временного приезда в Ленинград для свидания с нею, если это, по состоянию ее здоровья, окажется необходимо (к кому точно в НКВД обращаться, какие представлять документы с моей и ее стороны; сколько это приблизительно может занять времени и т<ак> д<алее>). Вопрос о свидании и совместной жизни с матерью очень для меня серьезен, т<ак> к<ак> после смерти жены моей, скончавшейся в начале моего заключения в Ярославском политизоляторе, без свидания со мною, мать моя и — там же проживающая в Ленинграде — мать жены моей остаются последними, наиболее близкими мне людьми. Поэтому мне хотелось бы заранее предохранить себя и их от тяжелой возможности худшего конца в разлуке, о котором невольно побуждает возраст и болезненное состояние матери.

А. Гизетти

13/III 1936 г<ода>.

Куйбышев 2, Владимирский овраг, д<ом> № 20»¹².

В сентябре 1936 — Александр Алексеевич Гизетти вновь просил помощи Е. П. Пешковой.

«17/IX 1936 г<ода>

Куйбышев 4, Затонская
ул<ица> д<ом> № 48 кв. 1

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1545. С. 60-61. Автограф.

¹² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1545. С. 62. Автограф.

Сообщаю Вам о перемене моего Куйбышевского адреса, но конечно не это — причина, почему я решился послать это письмо спешной почтой и как бы торопить Вас с исполнением моих просьб. Я не сделал бы этого, если бы не был вынужден действительно нелепым положением сейчас. Я терпеливо жду возвращения моих рукописей, на что давало надежду Ваше извещение от 8/VII, но рукописей все нет и нет. Но я ждал бы еще дольше, понимая, как это всегда медленно происходит, если бы не одно обстоятельство. Я получил всего на месяц – 1½ английский оригинал того романа (Michael Arlen. Jo ung Men in Love), значит<ельную> часть кот<оро>го перевел в Ярославле. Мне надо спешно сделать перевод, занимаясь в краевой биб<лиоте>ке (книга на дом не выдается), и если я не получу в помощь своих старых блокнотов, придется переводить вторично и все ранее переведенное. Нельзя ли как-нибудь ускорить возвращение моих рукописей. Я очень боюсь их разрознивать, это дает лишний шанс к возможной утере остающейся части, но если уж никак нельзя скоро получить все, нельзя ли хоть спешно (м<ожет> б<ыть> через Ваше посредство) получить хоть пачки блокнотов и тетрадей, содержащих этот перевод (а заодно хорошо бы и 2-й научный — книга Уайтхэда). Вероятно, у Вас цел экз<емпляр> моей описи тетрадей, и Вам легко установить, какие это № №? Вот почему я так тороплюсь. Конечно, надежды мало, но я хочу сделать все, что могу, и предупредить Вас, как мне это насущно нужно сейчас. Может быть Вам удастся хоть приблизительно узнать срок, когда можно ждать возвращения рукописей (повторяю: очень боюсь разрознивать); я тогда соответственно ориентировал бы работу, выхлопотав в Ленинградской Биб<лиоте>ке Всемирной Литературы (Моховая 36), приславшей мне книгу Arlena, соответствующую отсрочку пользователя. И нельзя ли добиться, чтобы уж из Москвы-то (просмотренные!) рукописи были высланы непосредственно мне (новый адрес в начале письма), ведь если их пошлют в Куйбышев<ское> Краевое Управление, оно может их еще дольше задержать, да тяжело это мне по лично интимному характеру многих тетрадей.

Простите за суету, помогите как можете моей научно-литер<атурной> работе и праву на сохранение светлой памяти о моем прошлом. Это ведь сейчас единственный смысл моего существования.

Уваж<ающий> Вас А<лександр> А<лексеевич> Г<изетти>»¹³.

В 1938 — Александр Алексеевич Гизетти был вновь арестован, вывезен в Москву и заключен в Таганскую тюрьму. 17 июня 1939 — освобожден¹⁴.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1545. С. 55. Автограф.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 963. С. 79-86; Д. 1253. С. 49-55; Д. 1410. С. 133-134.

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.